

На сцене нельзя играть только в поддавки

Сергей ВИНГРАДОВ

Режиссеру Сергею Виноградову 32 года. Учился в МАИ. («У меня была гениальная специальность: динамика и управление полетом. Практически то, чем я сейчас занимаюсь».) Закончил актерский курс Щукинского училища. Играл в «Сатириконе» К. Райкина, Театре Романа Виктюка, Театре Луны С. Проханова. Недавно создал собственную «Театральную компанию Сергея Виноградова». Прославился ролью Мадам в «Служанках» Р. Виктюка. Поставил «Коллекционера» Дж. Фаулза, «Пену дной» Б. Виана, «Машеньку» В. Набокова. Два года работал режиссером на ТВ, делал программы «Максима» и «Сенсации русского театра» (это были 55-минутные версии известных театральных спектаклей). Снялся в десяти фильмах

— Профиль Мадам на афишке «Театральной компании» — это рекламный трюк?

— Скорее воспоминание о первом поступке в театре. Это моя первая роль, она мне дорога, потому что я сам ее сделал. Я вводился в готовый спектакль и постигал алхимию Виктюка сначала без Виктюка. Он мой учитель, человек, который очень много для меня сделал, может быть, и не подозревая об этом.

— А вам не кажется, что ваша первая героиня вам уже мешает?

— Мешает. Поэтому теперь я пытаюсь играть в совершенно другую игру.

— Вы ощущаете свое поколение как поколение?

— Нет, мы каждый сам по себе. У поколения должно быть некое единство мышления, общее ощущение времени — и приемов, языка, с помощью которых это время переходит на театральную сцену. У нас — чудовищная разногласия. Наше поколение очень мало высказывается в театре. С. Женовач говорит, но не высказывается. В. Мирзоев — пытается продолжить то, что делал десять лет назад. Тогда это было шоком, теперь — легкий обморок для старшего поколения.

— Так, может быть, обстоятельства виноваты?

— Нет, обстоятельства, думаю, ни при чем. Я просто не хочу думать, что бульварная комедия — единственный путь для современного русского театра, а работа «чего изволите» — единственный тип поведения для современного творческого человека. Потому-де, что публика другого не хочет и не принимает. Я не верю в это. Тем более не верю после полтора лет постоянных гастролей, когда я увидел фантастически театральную страну. Это культура, которую пятью годами массивной телевизионной атаки не убить. Можно идти легким путем (да, приносящим большие деньги, да, приводящим к какой-то пенной известности), но, мне кажется, это не поступок. Тем более что наше поколение так или иначе следующим шагом должно занять место Фоменко, Захарова, Фокина. А я пока не вижу мотивов, по которым мы имеем на это право.

Мне очень досадно, что мы не команда. И очень много компромиссов. Вот вам пример. Обстоятельство времени. Позвонил мне один очень известный телепродюсер. Он работает на одном из самых крупных телеканалов. Предложил поста-

вить пластический рисунок к новым заставкам для канала. И выяснилось, что из десяти заставок... все десять — ворованные откуда ни попадя. Чуть-чуть изменены ходы на уровне ракурса, на уровне цвета, остальное — один в один. Когда это делается на высочайшем техническом уровне, когда это решение руководителя канала, того самого, между прочим, на котором любят крутить ролики против видеопиратства, я не понимаю ничего. Мы что, опять живем за занавесом? Мы что, не понимаем, что люди с немецких, испанских, итальянских каналов заметят, что все это у них уворовано? Причем по-своему сделать можно, надо только шевелить мозгами.

— Значит, с ТВ в вашей жизни покончено?

— Трудно сказать, но после этого случая у меня на него аллергия. Хотя на самом-то деле ТВ — вещь потрясающая, и специалисты там есть высокочеловеческие, и делать там можно невероятно интересные передачи. У меня очень сложное отношение к каналу «Культура». Просто потому, что сама организация такого канала у нас не дань культуре, а почетная ссылка. А на остальном пространстве мы будем делать что захотим — с нашим вкусом, с нашей степенью хамства, с нашим представлением о том, что нужно народу.

— А что нужно народу?

— Почтения не имею. И вообще не надо так ставить вопрос. Но верить в то, что народ — это великовозрастный оболтус, умеющий читать только по прописям, я отказываюсь.

— Виан, Набоков, Кортасар, Фаулз... Вы все время выбираете прозу. Вам тесно в рамках пьесы?

— Нет, это не принцип. Скорее вынужденное бегство от заниженных критериев современной драматургии.

— Можно ставить классику.

— Я думал об этом. Надеюсь, что до конца сезона у нас пойдет и классика. Это будет «Маскарад» Лермонтова.

— Вы одновременно и актер, и режиссер, и балетмейстер, и продюсер. Это вам кажется естественным?

— Абсолютно. Одно дополняет другое. Для меня это как естественная походка: правая — левая, актерство — режиссура. Было бы неестественно прыгать на одной ноге. Хотя в спектакле идеальный вариант для меня не совмещение этих

ролей, а растворение либо в актерстве, либо в режиссуре.

— Где снимаетесь?

— У Фокина и Гребнева в «Доме для богатых». Это история одной квартиры на протяжении 150 лет, с 1850 по 1997 год. Семь перестроек павильона, одна серия, все перестройки квартиры соответствуют всем перестройкам в нашей стране.

— В каком времени существуете?

— В 1888 году.

— Из театральных персон прошлого вы могли бы называть тех, чьим искусством восхищались, чей опыт использовали?

— В свое время я был без ума от Михаила Чехова и занимался по его методике. Когда учился в «Шуке», в Москву приехал Г. Жданов, последователь и ученик Чехова. Все наши педагоги на занятиях считали своим долгом его покрывать. За что? За то, что он сказал две вещи. Во-первых, если бы сейчас был жив Чехов, он занимался бы совсем другим, чем то, что зафиксировано в его книжке 1945 года. И второе: преподавая Чехова, сказал он, я не знаю, Чехова ли я преподаю. Потому что в конце концов учить можно только тому, до чего дошел сам. И это было сложно принять нашим педагогам.

— А чему вас научил Константин Райкин?

— Фанатизму в работе. Его работоспособность — запредельная. Когда я работал в «Сатириконе», он играл по триста спектаклей в год! Почти каждый вечер «на арене».

— Что театр может и должен делать сегодня?

— Он не может играть в поддавки. Не может быть менее плотным, чем жизнь. Сумасшедшая жизнь и сумасшедшее сознание современного человека. Информационный поток таков, что театр не имеет права не замечать этого. Другое дело, что, учитывая это, театр не должен терять... любознательности, нежности, доброты, стройности и восторга. Он должен быть теплым. Евгений Панфилов, балетмейстер, как-то сказал: если не можешь заставить сопереживать, хотя бы удивил или восхитил. Идеальная формула — суметь и то, и другое, и третье. Быть может, это иллюзия...

● Беседовала
Наталья КАЗЬМИНА